

Но в таком случае требует ответа другой, не менее важный и столь же трудный вопрос: какие мотивы направляли издателя, на какого читателя он ориентировался?

Поскольку издатель не предпослал публикации своего особого предисловия, а авторы включенных в нее трактатов в своих посвящениях, естественно, полностью игнорируют специфику данного издания (в нем, как отмечалось, полностью воспроизведена внутренняя структура каждого из трактатов) — в этих условиях ответ на поставленный вопрос может быть лишь предположительным. Прежде всего ясно, что *«Сборник»* издан в интересах высших слоев общества и для их пользования. Это — в одно и то же время и публичная, подкрепленная авторитетом античной и современной правовой науки декларация господских прав и привилегий по отношению к противостоящему им разряду работников и слуг, и руководство — нечто вроде Домостроя — для тех же господ (*domini*) об управлении дворовой челядью и различного рода «собственными» людьми.

Но если это так — в чем сомневаться, по-видимому, не приходится, — то мы получаем свидетельство в пользу тезиса о том, что в XVI в. международным был не только латинский язык; в этом столетии — быть может, впервые в истории средневековой Европы — *интернационализировались и по-настоящему унифицировались социальные интересы различных групп аристократии*; как бы они ни назывались на местах: сеньорами, шляхтичами, рыцарями, патрициями — безразлично к национальной или конфессиональной их принадлежности. Значительное развитие товарно-денежных отношений и зарождение капиталистического уклада — этот новый всемирно-исторический факт — поставил европейское дворянство перед сходными проблемами. И несмотря на то, что различные национальные условия подсказывали различные способы выхода из затяжного кризиса дворянства XVI в. — в одном, по крайней мере, отношении эти способы оказались тождественными — попытаться выйти из кризиса за счет различных разрядов «зависимых людей», путем резкого усиления их эксплуатации.

Таким был тот имеющий подлинно международное значение факт социальной действительности Европы XVI в., на почве которого различные слои дворянства могли легко столкнуться и проявить свою социальную солидарность. Не ошибемся, надеюсь, если именно этим обстоятельством попытаемся объяснить самую возможность появления столь странного на первый взгляд Кёльнского издания 1590 г. В нем ярчайшим образом отразилось удивительное совпадение «житейских» симпатий и антипатий разноязычной европейской знати, совпадение ее претензий, ее забот и страхов.

Что касается «простолудинов», лишенных «собственных» средств к существованию, то поскольку они находились в той или иной форме экономической или внеэкономической зависимости (*homines proptii*), постольку они представляли в глазах этой знати одно *нерасчлененное* целое, *одну* враждебную и опасную *стихию*, т. е. заслуживали не только одного и того же обращения со стороны знати, но и одного и того же правового регулирования их сословного статуса, лично-правового